
КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В АСПЕКТЕ МЕТАИСТОРИИ

Л.П. Волкова

Московский горный институт НИТУ МИСиС

Исследуются и сопоставляются истоки понятий «коллективное бессознательное» и «метаистория». Анализируется связь этих понятий в трактовке других исследователей: философов, историков, поэтов. Отмечается вклад ученых в развитие этих понятий. Рассматривается интуитивная связь этих понятий с другими понятиями, такими, как «имманентная трансценденция», «пассионарность», «ноосфера» и др. Обсуждаются в контексте темы, поднимаемой в данной статье, известные произведения, отмечается их влияние на формирование различных течений в обществе.

Ключевые слова и фразы: коллективное бессознательное, метаистория, архетип, имманентная трансценденция, пассионарность, ноосфера, дао.

Тема «коллективного бессознательного» была затронута автором данной статьи впервые при подготовке к докладу и презентации на тему «Социальная Память и Коллективное Бессознательное» на секции «Институты социальной памяти (библиотеки, архивы, музеи) в изменяющемся мире» XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», которая проводилась 18–19 декабря 2014 г. в Москве в ИНИОН РАН. Позже, в другой статье, исследовалась связь «коллективного бессознательного» с психологией, и в частности, с формированием религиозного чувства и его влиянием на будущее всех людей. Однако, как представляется, понятие «коллективного бессознательного» не ограничивается связью только с социальной памятью человечества и религиозными чувствами людей разных конфессий. Истоки многих понятий и явлений можно найти в том, что усилиями многих мыслителей обозначилось как «коллективное бессознательное». В рамках данной статьи исследуется связь понятий «коллективное бессознательное» и «метаистория».

Говоря, прежде всего, о понятии «коллективное бессознательное», можно взять следующее определение: «Коллективное бессознательное – понятие аналитической психологии Юнга, обозначающее совокупность наследуемых людьми универсальных неосознаваемых психических структур, механизмов, архетипов, инстинктов, импульсов, образов и т.д., передаваемых от поколения к поколению как субстрат психического бытия, включающий в себя психический опыт предшествующих поколений. Согласно Юнгу, основное содержание К.Б. составляют инстинкты и архетипы» [1]. Большая психологическая энциклопедия подчеркивает в определении Юнга то, что бессознательное коллективное – это «особая форма общественного существ-

вования бессознательного как накопителя, хранителя и носителя генетически наследуемого опыта филогенетического развития человечества. Особый класс явлений психических, кои в отличие от бессознательного индивидуального (личного) являются носителями опыта филогенетического¹ развития человечества» [2].

Что касается понятия «метаистория», то, например, в [2] можно найти такую информацию: «Метаистория – от лат. meta (над, сверх) + история. Впервые термин введён в употребление С. Н. Булгаковым и получил распространение как в русской эзотерике, так и в русской христианской философии». Здесь же, со ссылкой на Большую энциклопедию Русского Народа, метаистория трактуется как «грядущая жизнь в Царстве Божиим». Причем отмечается, что многие русские христианские философы применяли это определение для обозначения совершенного общественного строя, единственно возможного в условиях земного существования, а «весь исторический процесс сводится лишь к подготовке человечества к переходу от истории к метаистории». Кроме того, в частности, отмечается, что метаистория «одна из двух основных (наряду с мета-культурой) составляющих культурологической концепции Д. Андреева». Если обратиться за расшифровкой понятия «метаистория» еще к одному электронному ресурсу [3], то здесь также подчеркивается следующее: «Андреевская теория М. развивает идеи С.Н. Булгакова о М. как «ноуменальной стороне того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история» (*«Два града»*). Под метаисторией М.Д. Андреев понимает совокупность процессов нематериальной природы, которая отчасти находит свое проявление в истории и имеет по отношению к ней, в конечном счете, определяющее значение».

Однако обратимся к самому Даниилу Андрееву. Предсказывая возможность и обосновывая необходимость возникновения некоей межрегиональной организации, он так говорит о цели ее создания:

«Мне представляется международная организация, политическая и культурная, ставящая своей целью преобразование сущности государства путем последовательного осуществления всеохватывающих реформ. Решающая ступень к этой цели – создание Всемирной федерации государств как независимых членов, но с тем, чтобы над Федерацией была установлена особая инстанция, о которой я уже упоминал: инстанция, осуществляющая контроль над деятельностью государств и руководящая их бескровным и безболезненным преобразованием изнутри. Именно бескровным и безболезненным: в этом все дело, в этом ее отличие от революционных доктрин прошлого...» [4].

Сам Даниил Андреев в книге «Роза Мира» так определяет «задачу своей жизни»: «Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину ис-

¹ Филогенез рассматривает эволюцию в качестве процесса, в котором генетическая линия – организмы от предка к потомкам – разветвляется во времени, и её отдельные ветви могут приобретать те или иные изменения или исчезать в результате вымирания.

торических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле». И здесь же, определяя цель написания этой главной книги своей жизни, пишет:

«Развернуть эту концепцию именно так, дать понять, каким образом в ней, трактующей об иноприродном, в то же время таится ключ и от текущих процессов истории, и от судьбы каждого из нас, – вот задача настоящей книги. Книги, которая, если Господь предохранит ее от гибели, должна вдвигаться, как один из многих кирпичей, в фундамент Розы Мира, в основу всечеловеческого Братства».

Можно было бы воспринять эту концепцию как очередную утопию, если сосредоточить внимание только на следующем заключении:

«Таким образом, опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не развитием науки и техники самих по себе, не переразвитием государственного начала, не диктатурой «сильного человека»... но признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над Всемирной федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной высокоавторитетной инстанции, инстанции этической, внесударственной и надгосударственной, ибо природа государства внеэтична по своему существу».

Однако сам метод метаисторического познания, который состоит из трёх последовательных стадий и раскрывается особенно ярко уже на первой стадии метаисторического озарения, приводит к мысли о реальности описания переживаемого мгновенного внутреннего акта, который совершается без участия воли человека: «Содержанием этого акта является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и невыразимой ни в каких словах сути больших исторических феноменов».

Обращаясь еще к двум видам духовного познания, которые являются основными по Даниилу Андрееву вместе с метаисторическим, а именно трансфизическому и вселенскому, приходишь к мысли о некоторых параллелях среди понятий, с которыми приходилось соприкасаться в предыдущих исследованиях.

Одним из таких понятий является «имманентная трансценденция», связанная с именем Альфреда Вебера: «С одной стороны, имманентная трансцендентность не отделена непроходимыми границами от мира явлений, неразрывно “сплетена” с ним, с другой – представляет собой нечто абсолютное и не зависящее от пространства и времени» [5]. Сам Альфред Вебер говорит о трансцендентном так: «Воплощающиеся силы находятся по ту сторону мира явлений, они приходят из сферы, которой неведомы условия этого мира, они абсолютны. Так как изменения нам известны только в геологической, биологической и в человеческой промежуточной сфере совокупности условий и так как только для неё значимы пространство и время,

эти силы, будучи надпространственными и надвременными, должны быть неизменными, как и все трансцендентные глубинные слои, следовательно, в человеческом смысле, вечными» [6].

Даниил Андреев определяет метаисторию как «совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история». А вот что пишет об этом Хейден Уайт:

«На мой взгляд нет такой *теории* истории, которая была бы убедительной и неопровержимой для некоей аудитории только по причине адекватности её как “объяснения данных”, содержащихся в повествовании, поскольку в истории, как и в социальных науках в целом, не существует способа предварительного установления [pre-establishing] того, что будет считаться “данными” и что будет считаться “теорией”, “объясняющей” то, что эти данные “означают”. В свою очередь, не существует никакого соглашения по поводу того, что будет считаться собственно “историческими” данными. Решение этой проблемы требует метатеории, которая установит на метаисторическом уровне различие между просто “природными” явлениями и явлениями собственно “историческими”» [7].

Анализируя «главные формы исторического сознания XIX века» и «структуры исторического произведения», Уайт также пришел к понятию «архетипа» по отношению к историческому процессу. В заключение к своей книге он пишет: «...я обнаружил четыре архетипические сюжетные структуры, посредством которых историки могут изображать исторические процессы в их повествованиях как истории [stories] особого вида: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира» [7].

Эти выводы вновь возвращают нас к Юнгу, к его теории архетипов: «Бессознательное содержит источник сил, приводящий душу в движение. Движение души, то есть содержание психической жизни, регулируется архетипами: «Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам». Это касается не только религиозных представлений, но и центральных научных, философских и моральных понятий, которые можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою современную форму в результате использования сознания» [8].

Бессознательное коллективное как понятие, которое сформировалось к настоящему времени благодаря исследованиям уже многих ученых, запечатлевает опыт человечества. Каждый человек является его носителем в силу принадлежности к человеческому роду и культуре, и «именно этот пласт бессознательного есть то глубинное, сокровенное, что определяет особенности поведения, мышления и чувствования». Как отмечается в [9], «согласно Юнгу, коллективное бессознательное существует как таковое изначально, прежде всего, в образно-чувственной форме; поэтому оно открывается индивиду непосредственно и даже чаще всего произвольно...». Но Юнг об-

ращается и к понятию «трансцендентного», связанному, по его мнению, с религиозным чувством, с так называемой «трансцендентальной силой»:

«Личность, корни которой не уходят в Бога, не может самостоятельно сопротивляться физическим и нравственным соблазнам этого мира. Для этого ей нужно внутреннее, трансцендентальное ощущение, которое только и может защитить ее от неизбежного растворения в массе... Чтобы иметь прочную почву под ногами, индивид должен полагаться исключительно на свою связь с силой, не принадлежащей к этому миру. Здесь критерием являются не заявления о наличии убеждений, а психологический факт того, что жизнь индивида определяется не только его и его мнением, или социальными факторами, но в равной, если не большей степени и трансцендентальной силой. В основе свободы и автономности индивида лежат не этические принципы (какими бы возвышенными они не были) и не убеждения (пусть даже самые твердые), а всего лишь простое эмпирическое осознание, непередаваемое ощущение очень личной, взаимной связи между человеком и внеземной силой, которая действует, как противовес “миру” и его “разуму”» [10].

Как же могут взаимодействовать эти три ипостаси в человеке: коллективное бессознательное, сознание и чувство «трансцендентного»? Юнг в некотором роде дает ответ на такой вопрос следующим образом:

«Сопротивление организованной массе может оказать только человек, который так же хорошо организован в своей индивидуальности, как и сама масса. Я прекрасно понимаю, что это положение может показаться сегодняшнему человеку почти бессмысленным. Он уже давно позабыл весьма полезную средневековую теорию, что человек является микрокосмом, миниатюрной копией огромного космоса, хотя само существование его всеобъемлющей и миропреобразующей психе могло бы напомнить ему о ней. Мало того, что образ макрокосма запечатлен в его психической природе, но он еще и сам создает этот образ для себя во все большем масштабе. Он носит в себе это космическое “соответствие”, с одной стороны, в силу своего склонного к размышлениям сознания, а с другой, благодаря наследственной, архетипической природе своих инстинктов, которые привязывают его к окружающей его среде. Но его инстинкты не только привязывают его к макрокосму, они также, в определенном смысле, разрывают его на части, потому что его желания влекут его в разных направлениях...» [11].

А вот как пытается вникнуть в эту проблему Альфред Вебер (цит. по [5]): «По действию, которое силы имманентной трансцендентности оказывают на человека, их можно разделить на позитивные и негативные. К позитивным относятся универсализирующие и тем самым освобождающие силы... к негативным – сковывающие и изолирующие силы... Благодаря контакту с этими силами осуществляется преобразование нас самих: посредством взаимодействия с ними и их постижения мы “можем быть трансформированы в нечто им родственное”, стать частью объективной сферы сил, ко-

торая предстаёт нам в них. Эти силы объективно расположены вне нас, но в то же время существуют как возможность быть воплощёнными в нас».

Что касается самого термина «метаистория», то здесь он не встречается в явном виде. Однако интуитивно ощущается близкая связь рассматриваемых понятий. Но вот, наконец, в процессе уже данного исследования неожиданно найдено определение, которое напрямую связывает понятия «метаистория» и «коллективное бессознательное»:

«Психология бессознательного, с одной стороны, и религиозная философия, с другой, приоткрывают туманную завесу. Но шагнуть на ту сторону завесы может или тот, кто обладает собственным опытом соприкосновения с иными мирами, или тот, кто научился чувствовать реальность мифа и жить в ней. Так что, вполне возможно, пройдет несколько лет, и появится наука, которая будет определена примерно так:

Метаистория – это наука, изучающая влияния коллективного бессознательного человечества на исторические процессы земной реальности» [12].

Автор этого определения, которое вновь возвращает нас к Даниилу Андрееву, в своей статье пишет: «Популярное изложение “Розы мира” и параллели между нею и наукой – две волнующие темы, актуальные для всех, кому близко и дорого творчество Даниила Андреева» [12]. И, говоря о «важности психологии в истории», он отмечает также заслуги Льва Гумилева, который «подошел к бессознательному вплотную», и приводит его цитату из книги «Этногенез и биосфера земли»:

«Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения... Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания...».

Следуем далее в нашем исследовании за автором статьи [12], который отмечает, что Гумилеву оставалась неясной «природа потока психической энергии, вызывающей пассионарные толчки». Попытка «объяснить наличие пассионарных толчков» заставила Гумилева обратиться к учению Вернадского о биосфере: «...ведь люди – тоже часть биосферы. Следовательно, энергия живого вещества пронизывает тела наши, наших предков и будет пронизывать тела наших потомков, стимулируя разнообразные этногенезы». Однако, комментируя это заключение Гумилева, автор статьи [12] Иван Чудотворцев возвращает нас опять к Даниилу Андрееву, к его «Розе мира»:

«Образ силы, пронизывающей наши тела, уловлен достаточно точно. Но саму энергию, о которой идет речь, мы, следуя Даниилу Андрееву, назвали бы арунговильтой-праной. Однако, конечно, не арунговильта-прана осуществляет пассионарные толчки. Это делают силы, существующие в коллективном бессознательном человечества».

В нашей презентации на тему «Социальная Память и Коллективное Бессознательное», о которой упоминалось в начале данной статьи, мы обра-

щались к учению Вернадского о ноосфере. Так, например, в статье «Автотрофность человечества» В. И. Вернадский писал:

«В биосфере существует великая геологическая, быть может космическая, сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного. Проявление этой силы в окружающей среде явилось после мириад веков выражением единства совокупности организмов – монолита жизни – “живого вещества”, одной лишь частью которого является человечество» [13].

В другой своей известной работе о ноосфере «Научная мысль как планетное явление» Вернадский пишет: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в *ноосферу*... История научной мысли, научного знания, его исторического хода проявляется с новой стороны, которая до сих пор не была достаточно осознана. Ее нельзя рассматривать только как историю одной из гуманитарных наук. Эта история есть одновременно *история создания в биосфере новой геологической силы – научной мысли*, раньше в биосфере отсутствовавшей» [14].

Как отмечается в [15]: «В России три мыслителя использовали понятие “метаистория”. Это С. Булгаков, Н. Бердяев и Д. Андреев. Для Булгакова и Бердяева метаистория – это реальность, возвышающаяся над историей. Даниил Андреев понимал метаисторию иначе. Его опыт мистика и визионера является совершенно новым образом переживания и восприятия исторической драмы. Для Андреева метаистория пребывает за историей и включает в себя не только восходящий, но и нисходящий мир. Эта иномерная и нематериальная реальность неразрывно связана с плотью земной истории и с ее смыслом, постичь который и пытался Андреев».

Возвращает нас к Даниилу Андрееву и еще одна замечательная книга [16], в которой автор свой рассказ о Данииле Андрееве и «Розе Мира» начинает с Серафима Саровского. И объясняет он это так: «...дело не только в том, что Даниил Андреев был православным... Еще важнее то, что будущее возрождение России он связывал именно с православием».

И дальше, автор сравнивает: «преподобный Серафим в его пустыньке» и «Даниил Андреев в тюрьме, суровой и безблагодатной» – и делает вывод о том, что «тюрьма для него тоже пустынька». А затем приводит слова самого Даниила Андреева:

«Как могу я не преклониться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на целое десятилетие в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытывшими, и которые были не вполне легки и для меня, но которые вместе с тем послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа? Именно в тюрьме, с ее изоляцией от внешнего мира, с ее неограниченным досугом, с ее полутора тысячами ночей, проведенных мною в бодрствовании, лежа на койке, среди спящих товарищей,

именно в тюрьме начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания» [16. С. 28].

Возвращаясь к теме данной статьи, нельзя не упомянуть о результатах исследований, которые Фритьоф Капра, американский физик австрийского происхождения, изложил в своей книге «Дао физики» [17] с подзаголовком «Исследование параллелей между современной физикой и восточным мистицизмом»: «Физика и метафизика – обе неумолимо приводят к одному и тому же знанию». Все его работы имеют общий подтекст: «Между всем существуют скрытые связи». Исследуя параллели в физике, индийской и китайской философии в книге «Дао физики», Фритьоф Капра пишет [17]:

«Китайцы, подобно индийцам, считали, что существует высшая реальность, лежащая в основе многообразия вещей и явлений, наблюдаемых нами, которая объединяет их. Есть три термина: “полное”, “всеохватывающее”, “целостное”. Они отличаются друг от друга, однако та реальность, которую они стремятся описать, одна и та же – “Единственное”. Они называли эту реальность Дао, что первоначально означало “Путь”. Этот Путь всей Вселенной, порядок мироустройства. Позже конфуцианцы дали этому понятию другое истолкование. Они говорили о Дао человека или Дао человеческого общества, понимая его как правильный в моральном отношении образ жизни». И далее Капра делает заключение: «Самая важная характерная черта восточного мировоззрения, можно сказать, его сущность – осознание единства и взаимосвязанности всех вещей и явлений, восприятие всех явлений природы в качестве проявлений лежащего в основе единства. Все вещи рассматриваются как взаимозависимые и нераздельно связанные части этого космического целого, как различные проявления одной и той же высшей реальности. Восточные традиции неоднократно упоминают о высшей, неделимой реальности, воплощениями которой служат все вещи, являясь, таким образом, ее составными частями».

В заключение же данного, возможно пока не такого полного, как хотелось бы, исследования нельзя не упомянуть имя: Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950) – индийский философ, поэт, революционер и организатор национально-освободительного движения Индии, йогин, гуру и основоположник Интегральной йоги. Он так излагает свои мысли, описывая свой опыт [18]: «...Принципиальное назначение нашего ума – реагировать на эти волны мысли (так же как и на витальные волны, волны тонкой физической энергии), принимая или отвергая их, или придавать личную ментальную форму веществу мысли... С этого момента, в принципе, ментальное существо во мне стало свободным Интеллектом, всеобщим Разумом, но не работником на фабрике мыслей, ограниченным узким кругом своих личных мыслей, а тем, кто получает знание изо всех сотен и сотен царств бытия и свободен выбирать то, что ему хочется в этой огромной империи видения и империи мысли».

Шри Ауробиндо в своей работе «Западная метафизика и йога» отмечает: «На Востоке, особенно в Индии, метафизики {metaphysical thinkers} пытались, как и на Западе, установить природу высшей Истины посредством интеллекта. Но, во-первых, они не возводили интеллектуальное мышление в ранг наилучшего орудия в открытии Истины, но ставили его на второе место. Первое место всегда отводилось духовной интуиции и озарению, духовному опыту; интеллектуальное заключение, которое противоречило этому Высшему авторитету, считалось недействительным. Во-вторых, каждая философия была вооружена практическим путем достижения высшего состояния сознания, таким образом, даже когда начинали с Мысли, цель состояла в том, чтобы прийти к состоянию за пределами ментального мышления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший философский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/602
2. Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://psychology.academic.ru>
3. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/515/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%AF
4. Даниил Андреев. Роза Мира. (Книги 1–12). Метафилософия истории. Книга 1: Роза Мира и ее место в истории. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4140>
5. Партон Т.А., Черный Ю.Ю. Человек в потоке истории: введение в социологию культуры Альфреда Вебера. – М.: Наука, 2006.
6. Вебер А. Третий или четвертый человек. Цит. по [5]. С. 147–163.
7. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
8. URL: <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/bessoznatelnoe.html>
9. Психоанализ К. Юнга. Учение о «коллективном бессознательном». URL: <http://philocult.ru/443-psihoanaliz-k-yunga-uchenie-o-kollektivnom-bessoznatelnom.html>
10. Юнг К.Г. Сборник книг 1. Трансцендентальная функция. Религия, как противовес массовому сознанию.
11. Юнг К.Г. Сборник книг 1. Трансцендентальная функция. Понимание индивидом самого себя.
12. Чудотворцев Иван. Введение в метаисторию – предварения и параллели. Данная статья была прочитана в виде устного доклада на Всероссийской Конференции, посвященной 100-летию Даниила Андреева 20 октября 2006 года. URL: http://vseedinstvo.narod.ru/metaist/vved_v_metaist.htm
13. Вернадский В.И. Статья «Автотрофность человечества». URL: <http://www.pobeda.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/vern1.html>
14. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. URL: <http://vernadsky.lib.ru>
15. Механизмы империсферы / Дмитрий Ахтырский, Фёдор Синельников. URL: <http://exitum.org/book/mekhanizmy-imperiosfery/>
16. Андреев Даниил. – Рыцарь Розы: [заметки странствующего энтузиаста] / Авт.: Бежин Леонид Евгеньевич. – М.: Энигма, 2006. – 320 с.
17. Электронный ресурс: [fritof_kapra_-dao_fiziki.doc](http://modernlib.ru/books/kapra_fritof/dao_fiziki/) http://modernlib.ru/books/kapra_fritof/dao_fiziki/
18. Сатпрем (Бернар Анженже). Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания». – Л.: Изд-во Ленинградского университета. – 1989. – 334 с.

THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS IN TERMS OF METAHISTORY

L.P. Volkova

Investigated and compared the origins of the concepts of “collective unconscious” and “metahistory”. The relationship of these concepts in the treatment of other researchers: philosophers, historians, poets. Celebrated the contribution of scientists to the development of these concepts. We consider the intuitive connection between these concepts with other concepts, such as “immanent transcendence”, “passionarnost”, “noosphere” and others. Are discussed in the context of the topics raised in this article, famous works, there is the impact on the formation of the various currents in society.

Key words: collective unconscious, metahistory, the archetype, immanent transcendence, passionarnost, the noosphere, the dao.